

УДК 811.23-18/7

Кравченко Н.А.

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ТЕОЛИНГВИСТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

В статье анализируется новое направление в языкознании, именуемое теолингвистикой, проводится сопоставление целей и задач новой дисциплины в западной и славянской лингвистике, выявляются основные проблемы, возникающие в процессе становления теолингвистического подхода к изучению языка религии.

Ключевые слова: теолингвистика, теолингвистический подход, язык религии.

Кравченко Н.О. До питання про статус теолінгвістики в сучасному мовознавстві. В статті аналізується новий напрям у мовознавстві – теолінгвістика, здійснюється зіставлення цілей та завдань нової дисципліни в західній та слов'янській лінгвістиці, виявляються основні проблеми, що виникають у процесі становлення теолінгвістичного підходу до вивчення мови релігії

Ключові слова: теолінгвістика, теолінгвістичний підхід, мова релігії.

Kravchenko N. On the Issue of Theolinguistics' Status in Modern Linguistics. The paper is devoted to the analysis of theolinguistics, an incipient philological branch at the junction of theology, religious anthropology and linguistics. Having appeared in the 70-s of the 20-th century theolinguistics was meant as a branch of linguistics seeking to describe how human discourse may be employed to refer to the divine and how language operates in 'religious' situations. Further developments of this branch of learning broadened the scope of scientific interests to the study of the relationship between language and religious thought and practice illustrated by ritual, sacred texts, preaching, doctrinal statements and private affirmations of belief. Slavonic linguists took up the idea of the western philologists at the end of the 20-th century. Since then they have been working out a generic system of theolinguistics including its terminological apparatus, methodology, goals and tasks. The main difficulties theolinguistics is confronted with can be both of objective and subjective characters. The main objective problem is gnoseological roots of its constituents (scientific and theological). On the other hand it is inhomogeneity of theolinguistics, that can be helpful to solve many problems incapable of being solved by means of purely scientific methods.

Key words: theolinguistics, relationship between language and religious thought, inhomogeneity.

В современной лингвистике наблюдается тенденция возвращения лингвистических изысканий в русло антропологического подхода к изучению языка и культуры, восходящего к учению В. фон Гумбольдта, согласно которому язык неотделим от человеческой культуры и представляет собой важнейший её компонент: «Язык тесно переплетен с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры» [3, 27]. В связи с этим в современной лингвистической науке находят свое развитие комплексные (в иных номинациях – синтетические, интегральные, гибридные) разделы науки о языке - социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, антропологическая лингвистика, этнолингвистика, этнопсихолингвистика, социопсихолингвистика, лингвосинергетика, учение о языковой личности (лингвоперсонология) и др. Эти синте-

тические дисциплины преследуют своей целью изучение языка в тесной связи с базовыми сторонами человеческого бытия – сознанием, культурой и духовной жизнью человека, рассматриваемыми в их лингвистическом преломлении.

В последние десятилетия наблюдается зарождение и формирование новой синтетической теолого-лингвистической дисциплины на стыке теологии, религиозной антропологии и лингвистики – «теолингвистики», нацеленной на изучение взаимосвязи и взаимодействия языка и религии.

Целью настоящей статьи является попытка определить статус теолингвистики в парадигме современных лингвистических студий.

Основными **задачами** работы являются: проследить историю становления теолингвистики как особого раздела языкознания в западной и славянской лингвистике; проанализировать существующие определения целей и задач нового направления; осветить основные проблемы, возникающие в процессе становления теолингвистического подхода к изучению языка.

Язык религии как объект исследования вошел в круг интересов лингвистов на постсоветском пространстве относительно недавно в связи с известными событиями в конце XX века. Получили свое развитие несколько направлений, и появилось множество синонимических эпитетов, номинирующих исследуемый объект: религиозно-проповеднический, церковно-религиозный, церковно-проповеднический, церковно-библейский, богослужебный, литургический, сакральный и др. И хотя, по мнению многих исследователей, термин религиозный язык является наиболее нейтральным, однозначного отношения к себе он не приобрел, что привело к употреблению терминов «религиозный дискурс» (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Е.В. Бобырева), «религиозный стиль» (И. Мистрик, Т.В. Ицкович), «религиозно-проповеднический стиль» (Л.П. Крысин, О.А. Прохватилова, И.М. Гольберг, С.А. Гостеева, Е.В. Грудева) «религиозная коммуникация» (Н.Н. Розанова). В украинском языкознании, несмотря на то, что термин «религиозный язык» был предложен еще в конце XX века, чаще используется термин «конфесійний стиль» (С.В. Лукьянчук).

На волне популярности религиозной проблематики возникает новое направление в языкознании, именуемое теолингвистикой. В самом общем своем смысле теолингвистика определяется материалом исследования и предстает как одно из лингвистических направлений в рамках сложившейся антропоцентрической парадигмы. Структурно-семантический анализ языка, выполненный на материале религиозного текста и снабженный богословским комментарием, признаётся теолингвистическим.

Впервые термин «теолингвистика» появился в лингвистических трудах в 1976 году. Основателем теолингвистики как раздела языкознания считают бельгийского лингвиста, профессора кафедры английского языкознания брюссельского университета *Université Libre de Bruxelles* Жан-Пьера ван Ноппена (*J.-P. van Noppen*), который декларирует, что теолингвистика – это раздел лингвистики, «стремящийся описать, как человеческое слово может быть употреблено по отношению к Богу, а также то, каким образом язык функционирует в религиозных ситуациях, в ситуациях, не соответствующих

жестким стандартам непосредственной односторонней коммуникации» (*Theolinguistics seeks to describe how human discourse may be employed to refer to the divine, and beyond that, how language operates in 'religious' situations in manners which may not meet the narrow standard of direct, univocal reference*) [14]. Однако, по замечанию Э. Кухарской-Дрейсс, значение этого термина не имело ничего общего с дефинициями, сформулированными позднее.

Дальнейшему распространению термина теолингвистика способствовал Д. Кристал (*David Crystal*), включивший в свою энциклопедию «*The Cambridge Encyclopedia of Language*» 1987 года статью «Теолингвистика» (***theolinguistics*** (n.) *A term which has been used for the study of the relationship between language and religious thought and practice, as illustrated by ritual, sacred texts, preaching, doctrinal statements and private affirmations of belief*) [12, 463]. Согласно определению Д. Кристала, это термин, обозначающий науку, которая изучает отношение «язык: религиозная теория и практика», отношение, эксплицируемое в текстах церковных ритуалов, в языке Священного Писания, в текстах проповедей, в молитвах, в посланиях иерархов церкви и в индивидуальных высказываниях верующих. Необходимо заметить, однако, что 25 лет спустя в работе «*Whatever happened to theolinguistics?*» он с сожалением отмечает, что после яркого появления теолингвистики на научном небосклоне в 80-е годы в настоящее время наблюдается заметное ослабление интереса профессиональных лингвистов к развитию этого молодого направления в лингвистике. И как результат – теолингвистика по сравнению с другими профессиональными лингвистиками (*professional linguistics*), изучающими взаимоотношения языка с сопряженными областями применения, незначительно продвинулась в своих научных изысканиях с момента ее возникновения [13].

После выхода в свет энциклопедии теолингвистика, определяемая как дисциплина, изучающая язык теологов и других лиц, которые занимаются теорией и практикой религии, а также язык практикующих верующих, находит свое развитие в трудах немецких исследователей. Ими рассматриваются различные вопросы, касающиеся религиозного языка: историческое становление и этапы развития немецкой религиозной лексики, основные черты религиозного языка (*H. Moser*); текстуально-лингвистические исследования на материале текстов Нового завета, лингвистический подход к изучению гомилетики (*W. Gossmann*); речевые акты в контексте богослужения (*I. Schermann, A. Shufte*) и др.

Программной статьей, декларирующей плодотворность потенциального взаимодействия теологии и лингвистики, принято считать работу А. Вагнера, который видит две перспективы функционирования новой дисциплины: лингвистическую и теологическую. В сфере языка в рамках теолингвистики А. Вагнер предлагает решение следующих проблем: проблема религиозного языка; религиозное языковое поведение – религиозные формы коммуникации; сферы употребления религиозного языка [15, 509]. В сфере христианской теологии теолингвистика, по мнению автора, была бы помощницей в решении задач, касающихся современной систематики,

или практико-теологических аспектов, а в историческом плане – в решении задач, имеющих дело с историческими и экзегетическими (герменевтическими) аспектами [15, 510]. А. Вагнер полагает, что одной из интересных сфер для исследования в русле теолингвистики является наблюдаемое религиозное языковое поведение «центральной христианской формы коммуникации – богослужения, лингвистический анализ которого пока еще находится в зачаточном состоянии» [там же, 510]. Поскольку богослужение представляет собой в высшей степени сложный феномен, он предлагает проводить лингвистический анализ либо его отдельных элементов (молитва, литургия, проповедь, песнопение и т.д.), либо взаимодействия этих элементов (последовательность, их комбинации, проникновение и т.п.). Кроме того, такое исследование, по мнению Вагнера, предполагает анализ на всех без исключения языковых уровнях. В качестве конкретных исследовательских проектов А. Вагнер предлагает следующие: лингвистический анализ отдельных элементов церковного богослужения, анализ религиозных коммуникативных ситуаций, связанных с определёнными ритуалами, анализ языка катехизиса (катехизис – курс христианского богословия, изложенный в форме вопросов и ответов), включающий в себя и изучение языка бесед и проповедей в молодёжной среде и др. [15].

В славянском языкознании теолингвистика получила свое развитие на стыке веков в русле тенденции «интегрирования теологического знания в мировоззрение и культуру», все отчетливее проявляющей себя в современном мире [5, 5]. Свой вклад в распространение теолингвистики как раздела языкознания внесли украинские (А.К.Гадомский), сербские (К. Кончаревич), польские (Э. Кухарска-Дрейсс), российские (В.И. Постовалова, С.И.Шамарова) ученые.

Основанием для создания этой новой дисциплины в составе лингвистики родоначальники славянской теолингвистики видят в невозможности получить адекватного объяснения таких сокровенных моментов «теолингвистической реальности, как сотворение мира словом, райский язык, глоссолалия, духовный опыт умного делания (священнобезмолвие), литургическая практика Церкви». В лингвистике, базирующейся на конвенциональном понимании соотношения слова и реальности, для такого осмысления просто не существует соответствующих понятийно-категориальных средств. Отсюда вытекает необходимость прибегнуть к аналитическому описанию опытов изучения соотношения языка и религии «в истории богословской, религиозно-философской и научно-лингвистической мысли *sub specie* теолингвистики» [6].

Учитывая, что в славянском языкознании идея создания теолингвистики как самостоятельной сферы знания зародилась относительно недавно, на настоящем этапе становления существует несколько подходов к пониманию ее целей и задач. Одни ученые видят основную задачу в исследовании роли языка религии в обществе (в частности, в жизни религиозных групп, каковыми являются Церковь, деноминация, секта и культ), то есть в рассмотрении языка в отношении его к религии (язык религии, язык в религии, религия в языке, религиозный язык) [4]. Другие исследователи де-

кларифицируют в качестве основной задачи «изучение «религиозного языка» в узком и широком понимании этого термина» [2, 18]. В узком значении религиозный язык понимается этими исследователями как язык моральной и догматической теологии, а также язык ритуальный (литургический язык в христианстве), язык личных молитв, Святых текстов (Библия), проповедей, произведений религиозной художественной литературы. В широком значении к религиозному языку относится и разговорный язык, содержащий высказывания о Боге, а также язык текстов на религиозную тему – например, текстов по истории, социологии и психологии религии. Основное внимание при истолковании взаимосвязи языка и религии в этом подходе уделяется установлению корреляций между данными сферами. В частности – «выявлению языковых явлений и языковых единиц, появление и функционирование которых в языковой системе обусловлено религиозными факторами» [2, 18]. Третьи, помимо установления посреднической связи между лингвистикой и теологией предусматривают в задачах теолингвистики выполнение функции промежуточного звена между религией, церковью и обществом, государством [10].

Рассуждая о перспективах развития теолингвистики, К.Кончаревич утверждает, что «она должна разделяться на общую и частную теолингвистику. **Частная** теолингвистика должна исследовать проявления конкретной религии или проблемы в языке, **общая** должна заниматься универсалиями» [4, 15]. Помимо того, «теолингвистика может быть теоретической и прикладной, ... синхронной и диахронной. **Синхронная** теолингвистика должна изучать процессы, происходящие в языке и обществе в настоящий момент, абстрагировавшись во времени, **диахронная** – изучением явлений и изменений в процессе исторического развития языка и общества. Добавим, что диахронная теолингвистика предполагает сравнительно-исторический подход. Ее целью является изучение явлений, представляющих интерес для данной научной дисциплины, в их историческом развитии. Синхронная теолингвистика может быть типологической и сопоставительной. Предмет исследования **сопоставительной** теолингвистики составляют проявления религии, которые закрепились и отразились в синхронно рассматриваемых языках, независимо от их генеалогической и типологической принадлежности, а также тождества, сходства и различия в способах отражения, сохранения и передачи религиозного содержания» [4, 15].

Подробное описание методологии теолингвистики представлено в работах С.И.Шамаровой. Среди выделенных ею методов есть как собственно теологические, так и лингвистические: герменевтический метод - общий и специальный, лингвистический и экстралингвистический. («Общий герменевтический метод исследует принципы толкования всего текста и включает историко-культурный, контекстуальный, лексико-синтаксический и идейный анализ. Специальный герменевтический метод изучает правила, которые применяются к конкретным литературным жанрам с их спецификой» [17, 105-106]); метафизический метод, способствующий пониманию онтологии объекта; антропоцентрический подход, помогающий выявить человеческий фактор в языке; системный подход, позволяющий рассматривать

смысловую сферу, репрезентирующую изучаемый концепт в целостности составляющих ее элементов; аксиологический подход, открывающий возможность для понимания того, как посредством данного концепта человек выражает свое отношение к миру; методы этимологической и словообразовательной реконструкции; при характеристике текстовой репрезентации используются методы сравнительно-сопоставительного, компонентного, дистрибутивного и контекстологического анализа [9].

Вопрос о терминологическом аппарате теолингвистики к настоящему моменту также находится в стадии обсуждения: одни исследователи склоняются к использованию потенциала научного языка вместо создания новой терминологии (Д.Беньковская), другие предлагают внести в терминологический аппарат теолингвистики новые термины, в частности, термин **теонема**, обозначающий специфические фонетические, словообразовательные, морфологические, лексические, фразеологические и синтаксические средства, используемые для передачи религиозного содержания и делающие религиозный язык узнаваемым [2, 19]. По нашему мнению, идея объединения разноуровневых единиц языка в одну универсальную «тео»-единицу выглядит весьма привлекательной, однако трудно реализуемой на практике. Возможно, введение этой новой «эмической единицы» (по аналогии с лингвемой, речемой) послужило лишь данью уважения функциональной лингвистике и признанием речевой системности наряду с системностью языка.

Причин, по которым развитие теолингвистики как раздела языкознания происходит с определёнными трудностями, на наш взгляд, несколько. Среди них можно выделить объективные и субъективные причины.

К основной объективной причине относятся гносеологические корни составляющих этой науки. Теолингвистика в отличие от других синтетических разделов языкознания (социолингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии и др.), базирующихся на одной сфере познания – **науке**, объединяет в себе представления из дисциплин, принадлежащих разным сферам познания. То есть лингвистические представления из сферы **науки** объединены с теологическими представлениями из сферы богословия (**религии**). В свое время двуприродные, можно сказать, синергийные организмы знания Г.П. Щедровицкий называл кентавр-образованиями [11]. Интегрирование представлений из научной сферы познания в сферу религиозного познания духовных начал создает огромные трудности, неизбежные при единении двух различных традиций мышления. Речь здесь идет не только и даже не столько об объединении двух различных традиций мышления с их различными приемами аргументации, представлениями об истинности/ложности познания, целями и ценностями, сколько о попытке объединить два типа «ментальности». Под ментальностью здесь понимается «глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное» [16,284]. Ментальность, другими словами, есть «относительно устойчивая совокупность установок и предрасположенностей индивида или социальной группы воспринимать мир определенным образом. Она формируется в зависимости от традиций культуры, социальных струк-

тур и всей среды жизнедеятельности человека, и сама в свою очередь их формирует, выступая как порождающее начало, как трудноопределимый исток культурно-исторической динамики» [там же]. Проблема заключается в том, что здесь должно произойти такое соединение концептуальных представлений, при котором они должны предстать в едином теолингвистическом пространстве как гомогенные образования, относящиеся к единому предмету изучения [6]. Путей же соединения этих представлений в однородные образования, к сожалению, основатели славянской теолингвистики не описывают.

С другой стороны, именно негомогенность теолингвистики как синтетического образования дает возможность подступиться к проблемам, решение которых затруднено в рамках сугубо научных методов познания. Рассуждая о феномене веры в научном знании, Р.М. Фрумкина отмечает: «... в научном изложении (если только мы не занимаемся такой специфической наукой, как теология) мы теряем право ссылаться на догматы и сакральные тексты с целью подтверждения истинности нашего знания» [8, 95]. При теолингвистическом же подходе это ограничение снимается и появляется возможность прибегать к богословским интерпретациям религиозных фактов для обоснования истинности выдвигаемых утверждений.

Ко второй объективной причине можно отнести и тот факт, что сама по себе теология негомогенна по своей природе. По одной из дефиниций, «теология (греч. θεολογία, букв. – богословие, от θεός – Бог и λόγος – слово, учение) – «учение о Боге, построенное в логических формах идеалистической спекуляции на основе текстов, принимаемых как свидетельство Бога о Самом Себе, или Откровение» [1, 185]. Следовательно, теология предполагает «концепцию личного абсолютного Бога, сообщающего человеку знание о Себе через Собственное “слово”», «сверхрациональное откровение» и «рационалистический анализ этого откровения» [1, 185-186]. Это находит свое выражение уже в термине «теология». Первый компонент его, по словам П. Тиллиха, есть «*theos*, Бог, нечто о Себе сообщающий, стихия откровения». Второй элемент – «*logos*, разумное слово о том, что сообщает Бог в Своем сообщении» [1, 186]. В соответствии со своей двуприродностью теология, содержащая два начала – «сверхрациональное откровение» и «рационалистический анализ этого откровения», чаще всего имеет двухъярусную конструкцию. Нижний ярус составляет «философская спекуляция об Абсолюте как сущности, первопричине и цели всех вещей», а верхний ярус – «не могущее быть усмотренными разумом “истины откровения”, непосредственно сообщаемые в “слове Божьем”» [1, 187].

К субъективным причинам можно отнести отсутствие единодушия в понимании сущности славянской теолингвистики у ее основоположников. Если В.И.Постовалова видит специфическую черту теолингвистического подхода в стремлении соответствовать основным принципам исходного конфессионального вероучения, то А.К. Гадомский, напротив, декларирует «наднациональность», «надконфессиональность» теолингвистики. Нет у основателей новой дисциплины и общего видения перспектив ее развития: В.И.Постовалова упрекает А.К. Гадомского в трактовании теолингвистики

«только как прикладной, вспомогательной дисциплины для решения неких прагматических задач в области религии и языковой практики». Сама же она видит в перспективе развитие теолингвистики как полноценной теоретической дисциплины, избравшей «своим основанием онтологическое, синергично- пневматологическое (пневматологія – учение о Святом Духе, Его действиях в мире) понимание языка с его антиинструменталистским, антиконвенциалистским пониманием языка как энергии духа» [6].

Резюмируя, необходимо констатировать следующее. Каждый исследователь, занимающийся языком религии в любом его проявлении, сталкивается с определенными трудностями, так как «уникальность этого явления не позволяет подходить к нему с привычными мерками» [7]. Оставаясь только на платформе лингвистики, невозможно полноценно изучить, а главное, понять глубинную сущность религиозного языка. Поэтому теолингвистика и как идея, и как стиль мышления, и как исследовательское направление потенциально призвана способствовать решению многих проблем, связанных с отражением в языке проявлений религии. Хочется надеяться, что это новое лингвистическое направление получит свое дальнейшее развитие в языкознании и выдержит баланс между собственно лингвистическим подходом к исследованию языка религии и теологическим пиететом к сакральности объекта исследования.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Теология / С.С.Аверинцев - Киев: Дух и Літера, 2001. - 460 с.
2. Гадомский А.К. Теолингвистика: история вопроса./А.К.Гадомский // Уч. записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Серия «Филология». - 2005. - №1. - С. 16-25.
3. Гумбольдт фон В. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 452 с.
4. Кончаревич К. К теоретико-методологическому обоснованию сопоставительной теолингвистики (на материале русского и сербского языков). / К.Кончаревич // VII международный симпозиум достижения и перспективы сопоставительного изучения русского и других языков. – 2012. – С. 14–22.
5. Назаров В.Н. Введение в теологию: учебное пособие / В. Н. Назаров. – М.: Гардарики, 2004. – 320 с.
6. Постовалова В.И. Теолингвистика в современном религиозном дискурсе [Электронный ресурс] / В.И.Постовалова. – 2012. – Режим доступа к ресурсу: <https://cyberleninka.ru/article/n/teolingvistika-v-sovremennom-gumanitarnom-poznanii-istoki-osnovnye-idei-i-napravleniya.pdf>.
7. Прохватилова О.А. Экстралингвистические параметры и языковые характеристики религиозного стиля [Электронный ресурс] / О.А.Прохватилова // Волгоград: Издательство ВолГУ. – 2006. – Режим доступа к ресурсу: <https://m.cyberleninka.ru/article/n/ekstralingvisticheskie-parametry-i-yazykovye-harakteristiki-religioznogo-stilya>.
8. Фрумкина Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология ?/ Р.М.Фрумкина // Язык и наука конца 20 века. - М.: Рос. гос. гуманит. ун-т. - 1995. - С. 74-117.
9. Самарова С. И. О статусе парарелигиозной лексики и парарелигиозного языка./ С.И.Самарова // Теория и практика языковой коммуникации. Материалы III международной конференции. Уфа: УГАТУ. – 2011. – С. 481–483.
10. Самарова С.И. К вопросу о теолингвистике: цель, задачи, объект, методы и основные направления / С.И.Самарова // Филологические науки. - 2012.
11. Щедровицкий Г.П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. — М., 1995. — 759 с.
12. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics / D.Crystal. – Harmondsworth: Penguin Books, 2003. – 508 p.

13. Crystal D. Whatever happened to theolinguistics? In: Chilton, P., Kopytowska, M., eds, Religious language, metaphor and the mind / D. Crystal. – 2013.
14. van Noppen J.-P. From Theolinguistics to Critical Theolinguistics: the Case for Communicative Probity [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа к ресурсу: <http://www.jovanoppen.tk>.
15. Wagner A. Theolinguistik./A. Wagner // Internationale Tendenzen der Syntaktik und Pragmatik. - 1999. - С. 507-512.
16. Новая философская энциклопедия: в 4-х томах - Москва: Мысль, 2010. - 525 с.
17. Новейший словарь религиоведения / О. К. Садовников, Г. В. Згурский; под ред. С. Н. Смоленского – Ростов на Дону: Феникс, 2010. – 444 с.

References

1. Averincev, S. S. (2001). Teologija. Kiev: Duh i Litera.
2. Gadomskij, A.K. (2005). Teolingvistika: istorija voprosa. In Uch. zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Serija «Filologija». 1, 16-25.
3. Gumboldt, fon V. (1985). Jazyk i filosofija kul'tury. M. : Progress.
4. Koncharevich, K. (2012). K teoretiko-metodologicheskomu obosnovaniju sopostavitel'noj teolingvistiki (na materiale russkogo i serbskogo jazykov). In VII mezhdunarodnyj simpozium dostizhenija i perspektivy sopostavitel'nogo izuchenija russkogo i drugih jazykov, 14–22.
5. Nazarov, V.N. (2004). Vvedenie v teologiju: uchebnoe posobie. M.: Gardariki.
6. Postovalova, V.I. (2012). Teolingvistika v sovremennom religioznom diskurse [Electronic resource]. – Mode of access: <https://cyberleninka.ru/article/n/teolingvistika-v-sovremennom-gumanitarnom-poznanii-istoki-osnovnye-idei-i-napravleniya.pdf>.
7. Prohvatilova, O.A. (2006). Jekstralingvisticheskie parametry i jazykovye harakteristiki religioznogo stilja. Volgograd: Izdatel'stvo VolGU. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://m.cyberleninka.ru/article/n/ekstralingvisticheskie-parametry-i-jazykovye-harakteristiki-religioznogo-stilya>.
8. Frumkina, R. M. (1995). Est' li u sovremennoj lingvistiki svoja jepistemologija? In Jazyk i nauka konca 20 veka. M.: Ros. gos. gumanit. un-t., 74-117.
9. Shamarova, S. I. (2011). O statuse parareligioznoj leksiki i parareligioznogo jazyka. In Teorija i praktika jazykovoju kommunikacii. Materialy III mezhdunarodnoj konferencii. Ufa: UGATU, 481–483.
10. Shamarova, S.I. (2012). K voprosu o teolingvistike: cel', zadachi, obekt, metody i osnovnye napravlenija. In Filologicheskie nauki.
11. Shhedrovickij, G.P. (1995). Izbrannye Trudy. M.
12. Crystal, D. A. (2003). Dictionary of Linguistics and Phonetics. Harmondsworth: Penguin Books.
13. Crystal, D. (2013). Whatever happened to theolinguistics? In: Chilton, P., Kopytowska, M., eds, Religious language, metaphor and the mind.
14. Noppen, van J.-P. (2004). From Theolinguistics to Critical Theolinguistics: the Case for Communicative Probity. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.jovanoppen.tk>.
15. Wagner, A. (1999). Theolinguistik. In Internationale Tendenzen der Syntaktik und Pragmatik, 507-512.
16. Novaja filosofskaja jenciklopedija: v 4-h tomah (2010). Moskva: Mysl'.
17. Novejšij slovar' religiovedenija (2010). pod red. S. N. Smolenskogo. Rostov na Donu: Feniks.

Стаття надійшла до редакції 5.10.2016 р.